

АЛЕКСАНДР
СЕРЕБРЯКОВ

РУССКИЙ ГАМБИТ

НА ПУТИ
К НОВОМУ
БИПОЛЯРНОМУ МИРУ

Александр Георгиевич Серебряков

Русский гамбит. На пути к новому биполярному миру

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17691166

*А. Г. Серебряков. Русский гамбит. На пути к новому биполярному миру: ООО «Издательство
Алгоритм»; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0184-1*

Аннотация

В своей книге, анализируя международные отношения, автор выходит за рамки сложившихся стереотипов, сводящих современные двусторонние отношения к традиционным «дуализмам»: Запад – Восток, Север – Юг, социализм – капитализм, демократия – диктатура. Необходимо понимать, что и Запад не однороден, и Восток, а понятия «демократия» и «диктатура» давно уже стали разменной идеологической монетой при определении внешнеполитических задач и разработке внешнеполитического курса целого ряда стран.

Автор – бывший сотрудник Центрального аппарата МИД СССР, затем сотрудник посольства СССР в Италии – предлагает рассмотреть сложившуюся международную обстановку в новом «дуализме»: англо-саксонский мир – весь остальной мир. Может быть, именно здесь мы сможем найти причину углубляющегося международного кризиса.

Содержание

От автора	5
Введение	7
Часть первая. Факты	8
Однополярный мир и международная безопасность	8
Концепция «многополярного мира»	10
Биполярный мир как гарантия выживания человечества	12
Переосмысление «фултонской речи» У. Черчилля	14
О «единстве» Запада	16
США	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Серебряков Русский гамбит. На пути к новому биполярному миру

© Серебряков А. Г., 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

* * *

От автора

В этой книге автор поставил перед собой задачу в простой форме, не злоупотребляя специфической терминологией, свойственной работам по политологии и геополитике, ознакомить читателей, интересующихся проблематикой международных отношений, с одним из возможных вариантов дальнейшего развития мировой цивилизации.

При анализе исторических процессов и конкретных исторических фактов и событий, профессиональные историки часто употребляют слово «объективный», то есть не зависящий от чьей-либо воли или вмешательства процесс или событие, например, «объективные причины военного конфликта», «объективные причины создания союза или коалиции» и так далее.

Однако, как показывает практика, при более тщательном анализе конкретного свершившегося исторического события зачастую за так называемыми «объективными» причинами выглядывают неприятные физиономии конкретных «субъектов», целенаправленно пытающихся свести «объективные» исторические процессы к своим абсолютно «субъективным» интересам.

Оставаясь в плену укоренившихся у многих наших профессиональных историков и политологов марксистских догматов об «объективных исторических процессах и закономерностях», мы сами порой загоняем себя в ловушку, пытаясь понять причины свершившегося исторического события, которое, в принципе, не должно было произойти, исходя из формальной исторической логики и той же «объективности» исторических процессов.

Чисто идеологический подход к осмыслению исторических фактов, в смысле «экономический базис определяет политическую надстройку», абсолютно не способствует проведению всестороннего анализа исторического события, а главное, значительно принижает огромную роль, которую играют в истории разного рода случайности, зачастую выступающие катализаторами событий, и недооценивает значение личных качеств исторических персонажей.

Неизвестно, как бы сложилась мировая история, если бы Наполеон, молодой офицер-артиллерист, не отличился при артиллерийском обстреле британской эскадры в Тулоне и не попался бы на глаза лидерам французской революции. И неизвестно как бы сложилась судьба Советского Союза, если бы Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. Андропов прожил еще несколько лет и ему удалось бы осуществить задуманную им реформу административного переустройства СССР, которая предусматривала отказ от национальных республик и автономий.

Но с чем нельзя действительно поспорить, так это с утверждением, что история не знает сослагательного наклонения.

В этой работе, анализируя международные отношения, автор пытается выйти за рамки сложившихся стереотипов, сводящих современные двусторонние и многосторонние отношения к традиционным «дуализмам»: Запад – Восток, Север – Юг, социализм – капитализм, демократия – диктатура.

Необходимо понимать, что и Запад не однороден, и Восток, а понятия «демократия» и «диктатура» давно уже стали разменной идеологической монетой при определении внешнеполитических задач и разработке внешнеполитического курса целого ряда стран.

Автор предлагает рассмотреть сложившуюся международную обстановку в новой системе координат, в новом «дуализме»: англосаксонский мир – весь остальной мир. Может быть, именно здесь мы сможем найти причину углубляющегося международного кризиса, и может быть именно на этой линии и лежит ключ к пониманию современных проблем в нашем мире.

В нашем исследовании мы рассмотрим ситуацию, сложившуюся в настоящее время в сфере международной безопасности, постараемся дать оценку деятельности ряда международных организаций, таких, например, как ООН, НАТО, Евросоюз, ШОС, БРИКС и попытаемся дать прогноз на перспективы их дальнейшего развития.

Особое внимание уделим конкретным странам, потенциальным участникам новой биполярной системы, а именно: США, Великобритании, Франции, Германии, Китаю и ряду других стран. Совершим небольшой экскурс в историю этих стран, для лучшего понимания той системы связей и отношений, исторически сложившихся между ними, и на основании чего можно делать выводы об их месте в современной системе международных координат.

И последнее. Историческую науку принято считать «мертвой» наукой, ибо она рассматривает и анализирует уже свершившиеся факты. Однако следует и здесь попытаться выйти за рамки принятых подходов к истории. Необходимо попытаться сделать ее «живой» наукой, способной через анализ прошлого и настоящего не только указывать вектор исторического развития, но и активно способствовать движению в этом заданном направлении. Иными словами, речь не идет о футурологии, то есть прогнозировании исторических событий, а о планировании событий, которые должны при определенных условиях состояться в будущем.

Есть в экономике предприятия такие понятия: бухгалтер и финансовое планирование. Бухгалтерский учет – это «мертвая» экономика, то есть констатация того, что уже произошло с активами и пассивами предприятия. А есть «живая» экономика – это то, что при определенных условиях должно произойти в будущем. Это – финансовое планирование. Для того чтобы финансовый план был реализован, необходимо не только четко разбираться в конъюнктуре рынка, на котором работаешь, но и заранее определить объем и источники финансовых средств, количество трудовых ресурсов, необходимых для реализации этих планов. Необходим постоянный контроль за выполнение финансового плана с тем, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств была возможность внести в него необходимые корректировки. С одной лишь целью, чтобы план был выполнен и чтобы поставленные цели были достигнуты.

Экстраполируя эту экономическую ситуацию на исторический процесс, попытаемся и в нашем случае, отталкиваясь от свершившихся исторических фактов и запланировав желательное для нас развитие исторических событий в будущем, составить «исторический план», определить необходимые ресурсы и методы контроля, и перейти к «историческому планированию» для реализации стратегических целей.

Введение

После завершения глобального политического и военного противостояния по линии Восток – Запад, коммунизм – капитализм, человечество, казалось, должно было вздохнуть свободно, обрести, наконец, уверенность в завтрашнем дне и с чистой совестью устремиться к светлому будущему – в мир, где каждый каждому друг, где сильный всегда защитит слабого, богатый поделится с бедным, умный образумит глупого и невежественного.

Однако, после непродолжительной эйфории, к удивлению многих наивных людей все постепенно вернулось на круги своя и в мире вновь торжествует право сильного, богатый становится богаче, а бедный беднее, и умный пользуется случаем, чтобы «развести» глупого.

«Традиционное» противостояние между военными блоками и государствами сменилось противостоянием между народами, религиями и «цивилизациями» в самом широком смысле. И если раньше границы этого противостояния определялись государственными границами, то сейчас это противостояние переместилось уже внутрь государств и создало уже внутри самих государств совершенно четкие рубежи противостояний. И эти новые противостояния, часто имеющие этническую или религиозную подоплеку, уже не раз приводили к серьезным конфликтам внутри национальных государств.

Таким образом, оставшееся в прошлом военно-политическое противостояние двух антагонистических систем, имевшее глобальный характер, но в то же время придерживающееся определенных «правил игры», сменилось стремительным распространением более мелких «противостояний», которые не имеют и не хотят иметь никаких «правил игры», а руководствуются лишь своими сиюминутными, корыстными интересами.

Определенные функции контроля над мировыми политическими процессами, имевшиеся у сверхдержав США и СССР, не позволяли миру скатиться в бесконечный водоворот военных столкновений, а, главное, удерживали мир от опасности всемирной катастрофы и всемирного хаоса. Региональные конфликты на периферии двух мировых систем носили локальный характер и за редким исключением не выводили из равновесия «оазисы» всеобщего мира и спокойствия – Европу и Северную Америку, которые смогли воспользоваться благоприятной политической обстановкой для беспрецедентного роста благосостояния своего населения.

Биполярный мир обеспечивал надежные механизмы контроля и устрашения, а ООН легализовывала решения, принятые в интересах сохранения мирового правопорядка с целью недопущения появления глобальных очагов напряженности.

Неожиданное превращение мироустройства в одно-полярную систему, появление одной сверхдержавы со своими специфическими представлениями о «добре» и «зле» и навязчивым желанием переформатировать все страны мира по своему образу и подобию, привело к небывалому росту напряженности по всему миру и вывело из состояния относительного покоя даже страны, некогда считавшиеся «оазисами спокойствия». В этой связи, необходимо задать вопрос: а стал ли мир спокойней и безопасней после разрушения модели биполярного мира? Является ли наличие одной мировой сверхдержавы абсолютно достаточным фактором для безопасного развития всего человечества, а не только лишь стран-клиентов этой сверхдержавы? И нет ли опасности, что отсутствие рычагов давления на единственный мировой полюс силы способно превратить сам этот полюс силы в источник постоянной опасности для остального мира?

Часть первая. Факты

Однополярный мир и международная безопасность

Вся история последних лет показывает, что за период после развала Советского Союза произошло значительное ухудшение общего состояния дел в сфере мировой безопасности. Практически не работает Договор о нераспространении ядерного оружия, США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО от 1972 г. США – практически единственная страна, которая противится началу глобальных переговоров по предотвращению милитаризации космоса. Абсолютно деградируют международные институты безопасности, такие как ООН и ОБСЕ. Даже НАТО, которую с большими допусками можно было бы назвать «институтом безопасности», в значительной степени растеряла свой имидж «миротворца» в виду того, что лидер этой организации – Соединенные Штаты Америки – уже не нуждается ни в чьих рекомендациях и советах для того, чтобы решать свои тактические военно-политические задачи. Так было в Ираке, где США действовали в обход НАТО, несмотря на позицию Франции, Германии и Италии, так было и во время других конфликтов, где США действовали за рамками мандата СБ ООН.

Перефразируя известное выражение лорда Эктона «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно» в отношении внешней политики США в период мировой гегемонии, можно сказать следующее: «Военно-политическое превосходство развращает, а абсолютное военно-политическое превосходство развращает абсолютно».

Образовавшийся после неожиданного и стремительного краха СССР единственный полюс мира означает, по сути, абсолютную монополию на власть, монополию на принятие решений, монополию на решение судеб мирового сообщества в целом и каждого из его членов в частности.

Всем известно, что любая монополия – это прямой путь к деградации. И этот путь лежит через игнорирование мнений и непринятие во внимание интересов других участников международного процесса, через военные авантюры на международной арене, через принижение роли международных организаций. Соединенные Штаты восприняли неожиданно свалившийся в руки однополярный мир как заслуженную победу над геополитическим противником и, недолго думая, принялись активно заполнять освободившееся политическое пространство. Одновременно с разрушением политических балансов вновь дали о себе знать приглушенные на время исторические межнациональные и межрелигиозные конфликты, что спровоцировало разрушение ранее единых (Чехословакия, Югославия) и появление на их основе целого ряда новых государств в Европе и других частях мира.

Новая геополитическая обстановка способствовала и появлению новых угроз человечеству и не в последнюю очередь расширению террористической деятельности.

Не оправдались надежды и на прекращение гонки вооружений. Наоборот, произошел резкий рост спроса на оружие во всех частях мира. Многие страны поняли, что в условиях однополярного мира возлагать надежды на справедливое решение межгосударственных споров в рамках международного права и ООН достаточно бесперспективно, и приняли, пусть и очень затратное, но самое простое и эффективное решение – укреплять собственные вооруженные силы.

Вместе с тем, не будем забывать, что однополярный мир – структура крайне нестабильная и недолговечная в исторической перспективе. Периоды, когда один полюс контролировал весь известный мир, были относительно непродолжительны с исторической точки

зрения, и заканчивались одинаково: кровопролитными войнами, полным крахом правящей верхушки, развалом империи и существовавшего миропорядка.

Концепция «многополярного мира»

Ставшая популярной в последние годы концепция «многополярного мира» на самом деле имеет гораздо больше недостатков, чем преимуществ, даже по сравнению с однополярным миром. К тому же она не решает главную задачу – сохранения геополитического равновесия в планетарном масштабе как основы мировой стабильности и не обеспечивает возврат к обсуждению всех международных проблем на переговорные «площадки» существующих международных организаций.

Концепция «многополярности», исходя из того, что о ней говорят и пишут, еще не разработана теоретически. Определенные шаги в разработке этой концепции были сделаны в России сторонниками «евразийского» пути развития нашей страны. Построение их варианта концепции «многополярности» сводится к необходимости построить некую систему противовесов доминирующему полюсу Запада. В их понимании Запад – это уже окончательно сформировавшийся монолитный «полюс», который хотя и имеет некоторые внутренние противоречия, но при вероятной внешней угрозе всегда будет выступать с единых позиций ввиду принадлежности к общей западной цивилизации. Тем самым они, фактически, принимают распространенную у геополитиков формулировку *The West and the Rest* – «Запад и все остальные», что легло в основу разного рода геополитических теорий о «столкновении цивилизаций».

На самом деле, так называемый «Запад» никогда не был и сегодня не является единым политическим цельным «организмом». Принадлежность к одной цивилизации совсем не является гарантией от возникновения серьезных военно-политических противоречий, которые уже не раз в прошлом приводили к кровопролитным войнам. Поэтому строить концепцию «многополярности», исходя из того, что один из его полюсов, а именно «Запад», уже построен, и, следовательно, необходимо строить другие полюсы именно как противовес всему «Западу» представляется ошибочным.

Да, действительно, один полюс уже фактически сложился. И этот полюс – полюс англосаксонских стран. Но, англосаксонские страны – это еще не весь «Запад». И цивилизационный фактор тут ни при чем. При определенных условиях мы еще можем увидеть самые разнообразные политические конфигурации из стран, которые не принадлежат к одной и той же «цивилизации». Да и сам факт формальной принадлежности какой-либо страны к определенной «цивилизации» еще не является доминирующим фактором, который формирует внешнеполитические предпочтения.

Ни для кого не секрет, что активно обсуждаемая в мире тема о необходимости создания многополярного мира и постоянные призывы к нему стремиться – это всего лишь своеобразная скрытая форма протеста против американской гегемонии. Это форма протеста экономически и политически ослабленных в силу тех или иных причин стран, некогда бывших великими державами и определявших когда-то ход мировой истории.

Желание идти по пути к многополярному миру – это попытка создать себе относительно комфортные условия для обновления, модернизации и накачивания экономической, военной, а, следовательно, и политической силы, с тем, чтобы уже в ближайший исторический период попытаться вернуться на мировую арену игроками первого уровня. И, надо сказать, такие шансы есть у целого ряда стран.

Однако тут есть и серьезная проблема. Многополярный мир в действительности еще более нестабилен и опасен для человечества, нежели диктатура лидера однополярного мира. Многополярный мир, по сути, предполагает наличие нескольких военно-политических центров со своими лидерами, амбициями, претензиями и интересами. Этот мир таит в себе гораздо большую скрытую угрозу развязывания военных конфликтов. И именно этот факт

может создать у руководства того или иного «полюса» иллюзию превосходства в военном плане и иллюзию возможной военной победы над другим «полюсом». А отсюда и вытекает вероятность конфликта между периферическими «центрами силы» с возможностью перерастания в конфликт планетарного масштаба. И это означает, что мир по-прежнему будет балансировать на грани войны. Достаточно посмотреть на карту мира, чтобы увидеть возможности для создания нескольких «полюсов силы», в самых «пожароопасных» районах мира.

К тому же, если вспомнить историю, мир уже жил в условиях многополярности. К концу XIX века сформировалось сразу несколько «полюсов силы»: Франция, Германия, Великобритания, Австро-Венгрия, Россия, Япония, Италия, США. Англо-бурские войны, испано-американская война 1898 года, русско-японская 1904–1905 годов, другие военные конфликты между ведущими «полюсами» в тот период – яркое свидетельство нестабильности многополярного мира. В конечном итоге все закончилось Первой мировой войной. После окончания этой войны мир также остался «многополярным», практически в том же составе, лишь с некоторыми изменениями. Поменялись только политические конфигурации. И что в итоге? – Через двадцать лет новая мировая война. Еще более жестокая и кровопролитная.

Именно поэтому необходимо рассматривать многополярный мир всего лишь как крайне непродолжительный этап на пути к единственной стабильной конфигурации, гарантирующей безопасность всему человечеству – миру биполярному.

Уже существовавший в истории биполярный мир между США и СССР доказал всем, что невозможность победы в ядерном военном конфликте и угроза полного взаимного уничтожения являются наилучшими сдерживающими факторами, способствующими сохранению прочного мира.

Биполярный мир как гарантия выживания человечества

Когда мы говорим о биполярном мире, первое, что приходит в голову, так это не забытое противостояние между США и СССР, между социалистической и капиталистической системами, между странами «народной демократии» и «апологетами индивидуализма». Вероятность уничтожения во взаимном конфликте и невозможность одержать победу над противником являлись самым надежным препятствием на пути вооруженного столкновения между двумя группировками. Конечно, на периферии группировок происходили столкновения, иногда даже очень серьезные, но они никогда не приводили к прямому военному столкновению двух сверхдержав – США и СССР – в силу понимания обеими странами вероятных последствий этого столкновения.

В отношениях между двумя группировками сложился определенный кодекс поведения, которому старались следовать все примкнувшие к той или иной группировке страны. Если бы мир и до наших дней жил в условиях биполярности, то, можно предположить, что события 11 сентября были бы невозможны. Катастрофа 11 сентября – это пример ущербности, неэффективности и опасности однополярного мира.

Конечно, борьба за влияние в мире не прекращалась ни на минуту. Конечной целью у каждого из полюсов было все-таки достижение победы в той или иной форме над противником, и в этом направлении каждая из сторон предпринимала все необходимые действия. Столь стремительный развал Советского Союза застал врасплох и самих американцев. Даже в самых радужных мечтах они вряд ли могли рассчитывать на столь быструю самоликвидацию их геополитического противника. Даже в речах президента Д. Буша в период советских внутривнутриполитических потрясений, предшествующих краху СССР, говорилось о необходимости сохранить Советский Союз как единое государство. Единственной оговоркой было отношение американцев к странам Прибалтики, нахождение которых в составе СССР они признавали лишь «де факто».

Однако уже вскоре, разобравшись во внутривнутриполитической ситуации в Советском Союзе, Соединенные Штаты, после провозглашенной ими победы в «холодной войне», на правах «победителя» принялись активно делить «советское наследие». Все страхи, комплексы и обиды, накопленные за десятилетия противостояния, тотчас же выплеснулись наружу. «Победивший» полюс, не знающий чувства благородства к поверженному противнику, в общении с которым еще вчера дрожал голос, с необычайной сноровкой принялся разделявать «тушу» поверженного врага, словно опасаясь, что нужно наестся впрок, а то, не дай бог, «империя зла» воспрянет и предъявит счет.

И в течение очень короткого периода все освободившееся военно-политическое пространство было заполнено враждебным «полюсом», причем без серьезных политических расчетов последствий таких шагов, руководствуясь лишь одним принципом: бери то, что само идет в руки. Не осознавая зачастую, что иногда можно и умереть и из-за того, что ты не в состоянии «переварить». То же самое происходило и в экономической сфере. Вместо того, чтобы оказать серьезную экономическую помощь уже «демократической России» для выхода из кризиса и оказать содействие в разработке экономической программы перехода к рыночной экономике, проходимцы и жулики всех мастей, прикрывавшиеся дипломами престижных западных университетов, заполонили правительственные коридоры новой российской власти с единственной целью: нажива и личное обогащение.

В этот период случаи военно-технического шпионажа и доведения технологически передовых российских предприятий до банкротства с целью ликвидации потенциальных конкурентов на мировых рынках, стали нормой. Тем не менее, развал Советского Союза

не поставил под сомнение эффективность биполярного мира, который гарантировал мир в Европе в течение сорока лет. Такого продолжительного мирного периода в жизни европейского континента не было за всю историю. Конечно, построенный на идеологической основе полюс, возглавляемый СССР, не имел серьезных шансов на длительную борьбу с другим мировым полюсом. Идеология – гораздо менее прочная основа для объединения, нежели «чувство страха», крепившее единство «западного» мира. Государства, основанные на идеологии, очень нестабильны. Жесткая структура и репрессивный аппарат – основа стабильности таких государств. Как только контроль ослабевает, начинаются процессы эрозии, которые приводят к ликвидации такого государства.

Жизнь постоянно вносит коррективы и неспособность идеологических государств вовремя подправить идеологию, отказаться от догматов, препятствующих своевременному проведению необходимых реформ, приводит к самым печальным для них последствиям. Положительный пример Китая, как идеологического государства, является скорее исключением, подтверждающим правило. Развал Советского Союза привел к разбалансировке системы взаимного уравнивания и сдерживания и созданию однополярной модели мироустройства со всеми вытекающими негативными последствиями, которые мы все наблюдаем. Очевидно, что наступила необходимость вновь попробовать воссоздать модель биполярного мира с тем, чтобы человечество вернулось в состояние относительного покоя, и отодвинулась бы на неопределенное время угроза всеобщего хаоса глобального конфликта.

Но возникают вопросы: а что это за новый биполярный мир? На какой основе он должен быть построен? Кто его участники? Кто кому «друг», а кто кому «недруг»?

Попробуем ответить на эти вопросы и на многие другие, которые неизбежно будут возникать по ходу анализа «исторического планирования». Постараемся избежать использования слов «враг», «война», а ограничимся терминами «мировоззренческие разногласия» или «конфликт интересов» как основы для формирования центра силы нового биполярного мира.

При «старом» биполярном мире водораздел между двумя полюсам формально проходил по идеологической линии капитализм – социализм, «демократия» – «тоталитаризм». Хотя на самом деле, исходя из реального понимания событий тех лет, настоящим водоразделом между полюсами уже тогда были противоречия между англосаксонским миром и его подконтрольными «клиентами» – с одной стороны, и миром, который не находился под контролем англосаксов и возглавлялся Советским Союзом, – с другой.

Крах СССР создал для англосаксонского мира небывалую ранее международную обстановку, когда один мировой полюс обладает абсолютным военно-политическим превосходством над всеми остальными странами мира вместе взятыми. Создание второго мирового полюса – осознанная необходимость во благо всего человечества. Попробуем разобраться, какие именно страны были бы в состоянии сформировать этот полюс в условиях доминирования англосаксонского мира, его политики, языка и культуры. Но сначала немного истории.

Переосмысление «фултонской речи» У. Черчилля

Речь У. Черчилля, произнесенная в 1946 году в г. Фултон, штат Миссури, перед студентами местного колледжа, вошла в советскую историографию как знаменующая начало «холодной войны». Именно с этой даты принято считать, что бывшие союзники по антигитлеровской коалиции перешли к военно-политической конфронтации. У нас всегда было принято в этом выступлении обращать внимание на метафору У. Черчилля о «железном занавесе». Советские аналитики, не способные выйти за рамки идеологических установок, пытались найти в словах бывшего английского премьера что-нибудь, что подтверждало правильность марксистско-ленинских постулатов относительно классовой борьбы и противоречий между капитализмом и социализмом. И они нашли то, что искали, зацепившись за фразу про «железный занавес». Закостенелый идеологический подход в очередной раз помешал советским функционерам правильно расставить смысловые акценты в произнесенной У. Черчиллем речи.

На самом деле, речь У. Черчилля под названием «Мускулы мира», была посвящена совершенно другим вопросам. Пресловутый пассаж о «железном занавесе» не занимал и одной десятой части речи бывшего английского премьера. В действительности, ключевыми являются его слова о необходимости создания «братского союза англоязычных стран» и достижения абсолютного военного превосходства. Это очень важные части его выступления, так, что есть смысл для лучшего понимания привести их полностью.

«Продолжая придерживаться нашего с вами метода «генеральной стратегической концепции», перехожу теперь к главному из того, что хотел бы вам сегодня сказать. Мне трудно представить, чтобы обеспечение эффективных мер по предотвращению новой войны и развитию тесного сотрудничества между народами было возможно без создания того, что я бы назвал братским союзом англоязычных стран. При этом я имею в виду особые отношения между Великобританией и Британским Содружеством наций, с одной стороны, и Соединенными Штатами Америки, с другой. Такого рода братский союз означает не только всемерное укрепление дружбы и взаимопонимания между нашими двумя столь схожими политическими и общественными системами и народами, но и продолжение тесного сотрудничества между нашими военными советниками с переходом в дальнейшем к совместному выявлению потенциальной военной угрозы, разработки схожих видов вооружений и инструкций по обращению с ними, а также взаимному обмену офицерами и курсантами военных и военно-технических учебных заведений. Это должно сочетаться с такими мерами по обеспечению взаимной безопасности, как совместное использование всех имеющихся у каждой из наших стран в различных точках земного шара военно-морских и военно-воздушных баз, что позволит удвоить мобильность как американских, так и британских военно-морских и военно-воздушных сил и даст, в результате стабилизации мировой обстановки, значительную экономию финансовых средств».

Далее. «Мы не можем допустить, чтобы события развивались самотеком и чтобы наступил такой час, когда что-то изменить будет уже слишком поздно. Если для этого нужен братский союз, о котором я говорил, со всеми преимуществами, что он может дать, среди которых укрепление взаимной безопасности наших двух стран, то давайте сделаем так, чтобы об этом великом событии узнало все человечество...»

Далее. «...мы должны отказаться от изжившей себя доктрины равновесия сил, или, как ее еще называют, доктрины политического равновесия между государствами. Мы не можем и не должны строить свою политику, исходя из минимального преимущества и тем самым провоцируя кого бы то ни было померяться с нами силами».

Далее. «Мы не должны допустить повторения подобной катастрофы (Второй мировой войны), и добиться этого сегодня, в 1946 году, возможно лишь путем налаживания нормальных отношений и всеобъемлющего взаимопонимания с Россией под эгидой ООН, но и всей мощью США, Великобритании и других англоязычных стран...»

Далее. «Если народы Великобритании и Британского содружества наций объединят свои усилия с народом Соединенных Штатов Америки на основе тесного сотрудничества во всех областях и сферах – и в воздухе, и на море, и в науке, и в технологии, и в культуре, – то мир забудет о том беспокойном времени, когда пресловутое, но столь неустойчивое равновесие сил могло провоцировать некоторые страны на проведение политики непомерных амбиций и авантюризма...»

И, наконец: «...если моральные и материальные силы британцев... будут объединены с вашими в братском союзе наших стран и народов, то перед нами откроется широкая дорога в будущее... не только на протяжении жизни одного поколения, но и на многие века вперед».

У. Черчилль был человеком далеко не сентиментальным, и уж если он в течение одного выступления несколько раз возвращается к теме о необходимости «братского союза» между англосаксами, то это верный признак целенаправленной расстановки приоритетов. Впервые на таком уровне всемирно известный публичный политик, в присутствии президента США, заявил о необходимости объединения всего англосаксонского мира, на основе этнического и культурного единства, под непререкаемым руководством США.

Не менее важным является и его заявление о необходимости стремиться не к равновесию военных сил в мире, а к подавляющему военному превосходству англосаксов, что, по мнению У. Черчилля, и должно обеспечить мир во всем мире. Таким образом, выходит, что именно У. Черчилль стал первым политическим деятелем, который заявил о необходимости создания однополярного англосаксонского мира с опорой на абсолютное военно-техническое превосходство.

И если глубже вчитаться в смысл сказанного Черчиллем, то, получается, что в этом «братском союзе» не было места не только бывшим противникам – немцам и итальянцам, но даже союзникам – французам, то есть, всем тем, кто не соответствовал «цивилизационным» критериям английского премьера. Эти «заветы» У. Черчилля и легли в основу послевоенной внешней политики англосаксов. И если все события, произошедшие в послевоенный период, мы будем рассматривать именно через эту призму, то многие исторические факты, которые до последнего времени считались «случайными» или «противоестественными», получают свое логическое объяснение.

О «единстве» Запада

«Запад», как монолитное тело, как источник всемирного благоденствия и основополагающий фактор мира во всем мире, никогда не существовал. На протяжении многих веков кровопролитные войны между «западными» государствами свидетельствуют о том, что сам факт принадлежности к «Западу» еще не гарантирует отсутствия военных конфликтов как средства защиты национальных интересов. Да и сам термин «Запад», как ПОЛИТИЧЕСКОЕ понятие, возник и получил широкое распространение в политических трудах, в международных отношениях, в средствах массовой информации лишь в эпоху противостояния между двумя политическими системами: социализмом и капитализмом, то есть в период после Второй мировой войны. По итогам Второй мировой войны сформировались два военно-политических и идеологических блока. Один – возглавляемый Советским Союзом, другой – Соединенными Штатами. Граница между двумя блоками прошла посередине Европы, разделив Германию на две части и фактически закрепив за ней статус «разделенного государства». Политическим водоразделом между двумя блоками являлась восточная граница Федеративной Республики Германии и западная граница Германской Демократической Республики. Таким образом, все, что находилось к западу от границы ГДР, становилось «Западом». Даже такие страны, как Испания и Португалия, фактически сохранившие после Второй мировой войны фашистские режимы и явно не являвшиеся образцами с точки зрения «защиты демократических ценностей», также стали считаться «Западом». Причем не было никаких других критериев (экономических, культурных, этнических) в определении «Запад», кроме критерия ПОЛИТИЧЕСКОГО. И этот критерий формулировался просто: «Запад» – это те развитые в экономическом плане страны, которые не находились под контролем Советского Союза.

То, что понятие «Запад» было чисто политическим, подтверждает и факт, что такие разные страны, как например, Япония, Австралия, Новая Зеландия или Южно-Африканская Республика, географически находясь далеко на востоке или юге, считались представителями «Запада». Все другие государства, которые не являлись членами двух военно-политических блоков, составляли так называемый «третий мир», который постепенно оформился в Движение неприсоединения, игравшее в 60–70-х годах прошлого века довольно важную роль, особенно в международных организациях, таких, как Организация Объединенных Наций.

Когда мы слышим утверждения о «политическом единстве» Запада, необходимо прежде всего вспомнить, в каких условиях это «единство» формировалось. Поверженная и разделенная после войны Германия вместе со своим союзником по коалиции – Италией представляли собой жалкое зрелище. Бывшие великие европейские державы стали, по сути, протекторатами Соединенных Штатов Америки в Европе. В первом послевоенном правительстве Западной Германии даже не было предусмотрено поста министра иностранных дел. Еще хуже было положение Японии, которая, пережив американские ядерные бомбардировки, получила еще и написанную американцами Конституцию, лишившую ее возможности проведения самостоятельной внутренней и внешней политики. При таких условиях любые разговоры о возможности принятия этими странами самостоятельных решений, в особенности в области проведения внешней политики, в тот период были излишними. Да и не могло быть у них в то время собственной внешней политики, – в условиях военной оккупации. Когда на твоей территории находятся десятки тысяч солдат оккупационной армии, вряд ли можно говорить о какой бы то ни было свободе выбора. Даже если у страны и имеются формальные признаки «независимого» государства, как то: правительство, парламент и даже Верховный суд.

Все решения по вопросам, затрагивающим хоть бы и в малой степени интересы США, принимались только после получения американского одобрения. И это вполне нормально для режима оккупированной страны, но это не позволяет говорить о том, что все те решения, которые принимались правительством Западной Германии в этот период «в интересах немецкой нации», были решениями «без оглядки» на позицию оккупационной администрации. Таким образом, включение ФРГ и Италии в политическое пространство «Запада» не было результатом их осознанного выбора (потому что выбора как такового им никто и не предлагал), а следствием политического принуждения и военного контроля со стороны англосаксов. Только в конце 40-х годов XX века в условиях уже фактически сложившегося биполярного мира Западная Германия и Италия получили определенную свободу действий в экономической и политической области, получив возможность подписывать договоры об экономическом и политическом сотрудничестве с другими странами.

Другой представитель «Запада» – Франция – после Второй мировой войны, даже будучи одной из стран-победительниц, также находилась в непростых отношениях с англосаксами, но уже по другой причине. Политические деятели из Великобритании и Соединенных Штатов, в первые послевоенные годы часто очень снисходительно, если не сказать пренебрежительно, относились к роли и вкладу Французской Республики в победу над Германией и Италией. И это не могло не отразиться на послевоенных отношениях Франции со своими англосаксонскими союзниками. Политическое и военное доминирование США и Великобритании в Западной Европе привело к тому, что бывшие исторические враги – Франция и Германия – постепенно осознавали необходимость к сближению, так как на данном этапе путь к росту их политического влияния лежал через экономическое возрождение и экономическую интеграцию. Первой попыткой реальной экономической интеграции стало создание в 1951 году Европейского объединения угля и стали. В дальнейшем стремление к интеграции на европейском пространстве привело к созданию в 1957 году Европейского экономического сообщества, включившего в себя шесть стран: Францию, Германию, Италию, Нидерланды, Бельгию и Люксембург – прообраз будущего Евросоюза. Великобританию в Европейское экономическое сообщество не позвали.

Вернувшийся в 1958 году в большую политику генерал де Голль вновь занял президентское кресло и дважды отказывал Великобритании в просьбе о вхождении в ЕЭС. В этом случае на вечные англо-французские противоречия наложилось явное желание генерала оставить за собой лидерство в процессе евроинтеграции. К тому же, вероятно, и воспоминания о личной взаимной неприязни между ним и английским премьером У. Черчиллем могло сыграть определенную роль. После прихода к власти Президент де Голль твердо взял курс на укрепление всесторонних связей с Федеративной Республикой Германией. Венцом этого сближения можно считать подписанный в 1963 году бессрочный Версальский договор, фактически означавший переход к действительно союзническим отношениям между двумя странами.

Среди дальнейших шагов по ослаблению англосаксонского влияния можно назвать принятое в 1966 году Президентом де Голлем решение о выходе из военных структур НАТО и закрытии американских баз на французской территории.

В дальнейшем франко-германский тандем, с ростом экономического могущества участников, стал мотором евроинтеграции. Даже смена президентов и глав правительств, придерживающихся самых разных политических взглядов, не влияла на выполнение договоренностей по франко-германскому сближению. Это свидетельство того, что в политических элитах двух стран есть общий консенсус относительно необходимости и важности этого сближения. После объединения Германии ее роль в Европейских делах значительно выросла. Соответственно совместные выступления тандема Франция-Германия уже не могли не приниматься во внимание даже Соединенными Штатами, которые после развала

Советского Союза взяли на себя роль вершителя судеб мира. Самостоятельная позиция Франции и Германии по поводу кризиса в Ираке привела впервые после окончания Второй мировой войны к серьезному дипломатическому конфликту внутри Североатлантического альянса. Впервые альянс раскололся по линии: англосаксы и франко-германский тандем. Это первый и по-настоящему серьезный внутренний конфликт «монолитного Запада», предвестник серьезных политических потрясений, как только для этого окончательно созреют внутренние и внешние предпосылки.

Нынешнее «единство» Запада держится в основном на силе политической инерции и экономических связях и взаимозависимостях. Приход в странах «Запада» к власти новых политических элит, для которых период «холодной войны» и «советская угроза» – далекое историческое прошлое из школьных учебников, к тому же прагматичных и национально ориентированных, приведет к серьезным изменениям в политических конфигурациях как внутри этих стран, так и на международной арене. К тому же, во взаимной экономической зависимости кроется как сила, так и слабость экономических союзов. Чем выше экономическая выгода или прибыль для участников, тем крепче связи. Однако, если эти связи начинают приносить меньшую выгоду или же вообще экономические результаты сотрудничества стремятся к нулю, то распад этого «экономического единства» – всего лишь вопрос времени.

Экономически же необусловленная связка, иными словами чисто политический союз, возможна лишь только в том случае, когда одна из сторон такого «сотрудничества» готова тратить свои средства, не считаясь с экономической целесообразностью, только лишь для сохранения своего влияния в этой стране или группе стран, или же в связи с необходимостью поддержания некоторого военно-политического равновесия в конкретном регионе. Или, наконец, по идеологическим соображениям. Наглядным примером этой близорукой позиции являлась экономическая помощь Советского Союза своим европейским сателлитам и странам так называемой «социалистической ориентации». СССР потратил огромные средства, в ущерб своему собственному развитию, на оказание финансовой, экономической и военной помощи своим «союзникам». Как только помощь иссякла, «иссякли» и «союзники».

Но самым важным фактором, крепившим «единство» Запада, была пресловутая «советская угроза» или риск войны с Советским Союзом. Ничто так не объединяет народы, как наличие общего врага и страх перед физическим уничтожением. Само существование общепризнанной и постоянно культивируемой внешней угрозы способно долгие годы удерживать в вынужденном союзе многие народы и государства и откладывать на второй план противоречия, существующие между самими этими странами.

Другим важным фактором, крепившим «единство» Запада в Европе в послевоенный период, была позиция ФРГ. Руководители Западной Германии понимали, что путь к объединению Германии лежит через переговорный процесс на уровне США – СССР, поэтому Западная Германия была вынуждена исполнять роль второго плана, подстраиваясь под Соединенные Штаты, чтобы никто не усомнился в «единстве» Запада.

Однако после крушения Советского Союза, ликвидации «советской угрозы» и объединения Германии политическая ситуация в Европе принципиально поменялась. Германия пока еще сама боится обретенной мощи и старается действовать осторожно, чтобы не напугать соседей по европейскому дому, но уже начинает показывать, причем довольно жестко и последовательно, свои приоритеты на Европейском континенте. А имея в качестве стратегического партнера Францию, Германия становится безоговорочным лидером на европейском континенте. Хоть как-то уравновесить эту политическую конструкцию в Европе может только комбинация Великобритания – США. То есть опять мы возвращаемся к противоречиям на линии англосаксы – франко-германский тандем.

Любые коалиции, военные или экономические, имеют свои временные рамки и рано или поздно распадаются. Это лишь вопрос времени и изменений в соотношении сил. Если

обратиться к историческому опыту, можно сделать однозначный вывод: не вечны ни НАТО, ни Евросоюз, если только, конечно Евросоюз не пойдет по пути создания единого государства, с единой армией и с единой внешней политикой. Однако в данном составе, при наличии Великобритании и еще ряда второстепенных стран с весьма утрированными представлениями относительно их «особой» роли в ЕС, у этой организации нет никаких шансов стать мощным военно-политическим игроком на международной арене. Евросоюз в нынешнем виде обречен быть на «подхвате» у Соединенных Штатов, выполняя роль внешнеполитического «порученца».

Выход на первые роли в ЕС политического и экономического тандема Германия – Франция – это серьезная причина для беспокойства англосаксонского мира. Помимо изменения экономического соотношения сил внутри Евросоюза, изменяются и поведенческие предпочтения европейцев. В 2004 году Франция и Великобритания широко отмечали столетие со дня подписания англо-французского военно-политического договора, который вошел в историю под названием Антанты. Прошел целый ряд официальных мероприятий, включая визит королевы Великобритании во Францию. Одновременно, по сообщению немецкого журнала «Шпигель», во Франции прошел опрос общественного мнения, в котором на вопрос «кому вы больше доверяете, немцам или англичанам?» подавляющее большинство французов высказалось в пользу немцев, и это несмотря на несколько кровопролитных войн, прошедших между двумя странами за последние сто лет.

Вся многовековая европейская политика Великобритании строилась на недопустимости создания коалиции крупнейших европейских континентальных держав, потому что рано или поздно эти коалиции могли привести к серьезному ущемлению политических и экономических интересов островного государства Великобритании не только в Европе, но и по всему миру. Понимая это, основной задачей внешнеполитических ведомств США и Великобритании на сегодняшнем этапе становится недопущение создания новых предпосылок для дальнейшего углубления франко-германского сотрудничества, а также блокирование потенциального расширения этого тандема за счет других не англосаксонских держав. Таким образом, пресловутое «единство» Запада обеспечивалось после окончания Второй мировой войны прежде всего англосаксонским военно-политическим и экономическим доминированием, а не неким «цивилизационным выбором», о чем постоянно приходится слышать. Дополнительную «крепость» этому «единству» добавлял и чисто психологический фактор – противостояние с советским блоком и страх перед возможной оккупацией «коммунистическими ордами».

Крах советского блока и ликвидация «советской угрозы», объединение Германии и принципиальное изменение ее роли в европейских делах, разброд в Евросоюзе и НАТО, авантюрная политика США и усиление в связи с этим антиамериканских настроений – все это факторы, отнюдь не способствующие укреплению «единства» Запада.

На первый план в условиях принципиально иной международной обстановки, когда нет необходимости прятаться под американским «зонтиком», вместо «корпоративных» интересов выходят интересы «индивидуальные», то есть интересы конкретных стран, чьи интересы не совпадают или даже противоречат интересам англосаксонского мира. Этот процесс с каждым годом набирает все большие обороты. Рост экономической мощи России, Китая и целого ряда других стран и постепенный перенос мирового экономического центра тяжести из Евроатлантического региона в Азиатско-тихоокеанский регион может привести к серьезному изменению как в самом политическом понятии «Запад», так и в возможности сохранения его политического «единства». История полна примеров, когда декларируемое «корпоративное единство» моментально рассыпалось перед лицом конкретных экономических и политических выгод, получаемых «индивидуумами» – то есть, одной или несколькими

странами-членами «корпорации». Ничего так не объединяет страны, как взаимная выгода и взаимодополняемость.

Экономическая заинтересованность лежит в основе любого единства, а если экономическая заинтересованность дополняется политической, возможностью повысить свой международный политический вес, то не существует никаких «цивилизационных» причин, которые могли бы воспрепятствовать реализации этих устремлений. Так было и так будет всегда. Потому что настоящие государственные деятели при принятии решений руководствуются не байками про «цивилизационную принадлежность», а национальными интересами, исходя из конкретной экономической выгоды и политической целесообразности текущего момента. И если есть возможность закрепить экономический успех и расширить политическое влияние в данный момент, то это и будет сделано в данный момент. Потому что в другой раз такая историческая возможность может и не представится.

США

Когда некоторые политологи говорят, что США – молодая страна, у которой больше двух веков истории и нет серьезных политических традиций, то они в определенной степени лукавят, ибо эта страна возникла не на пустом месте, а в результате активной переселенческой политики, проводимой Великобританией и поэтому имеющей конкретные черты именно английской политической традиции. В XVII–XVIII веках более 80 % переселенцев были выходцами из Великобритании, из которых подавляющее большинство – протестанты. США оставались английской колонией 170 лет (с 1607 по 1776 г.), пока в результате войны за независимость, продолжавшейся несколько лет, Великобритания по Парижскому мирному договору 1783 года не признала официально независимость своих бывших североамериканских колоний. Надо отметить, что война североамериканских британских колоний за независимость была во многом спровоцирована самой Великобританией. Неразумная налоговая и торговая политика метрополии привела сначала к стихийным выступлениям и стычкам с британскими войсками, а затем к принятию 4 июля 1776 года Декларации независимости.

Поначалу никто из отцов-основателей, возглавивших движение за независимость, и не помышлял об отделении от метрополии. Все они были тесно связаны с британской колониальной администрацией, а один из них, Бенджамин Франклин, даже надеялся получить высокий пост при дворе короля Георга Третьего.

Многие видные американские деятели, например Джордж Вашингтон, выступали не за отделение, а за уравнивание прав с метрополией. В колониях все активнее распространялось мнение: британские соотечественники не считают колонистов равными себе. Великобритания постоянно вводила новые налоги, не считаясь с мнением колонистов, среди которых уже сформировалась своя многочисленная финансово обеспеченная элита. Первоначальным требованием ее было получение представителями колоний политического представительства в британском парламенте. Был выдвинут лозунг: «Налоги в обмен на представительство». Джон Адамс, один из отцов-основателей, в 1765 году заявил: «Тот факт, что мы должны платить любые налоги, налагаемые британским парламентом, лишь потому, что мы никоим образом не представлены в этом собрании, абсолютно несовместим с основополагающими принципами британской конституции».

За два года до принятия Декларации независимости Джордж Вашингтон, выступая на Первом континентальном конгрессе в Филадельфии, произнес ключевые слова: «Пришло время, когда мы должны заявить о своих правах или же подчиниться всем ограничениям, которые могут посыпаться на нас, пока привычка не превратит нас в таких же послушных и жалких рабов, как чернокожие, которыми мы столь же деспотично управляем». Добившись независимости от Великобритании, Соединенные Штаты вступили в период политической и экономической эйфории. Началось активное продвижение на запад Американского континента и именно в этот период сформировался первый американский мессианский постулат о «предназначении судьбы». Суть его сводилась к необходимости вытеснения коренных жителей-индейцев и испанских колонистов с их земель, без учета морально-нравственных аспектов этой «миссии». После формирования первого Национального правительства США вступили в период «американской демократии». Были провозглашены широкие политические права и свободы для всех, без имущественных ограничений. Для всех, кроме индейцев, негров, женщин и католиков. Таким образом, первыми бенефициарами «американской демократии» стали только лишь белые мужчины-протестанты.

Необходимо добавить, что пять из семи первых президентов Соединенных Штатов были рабовладельцами, включая первого президента Джорджа Вашингтона. В тот период одним из самых сложных вопросов внутренней политики была возможность какого-либо

штата выйти из Соединенных Штатов в случае несогласия с федеральной политикой. Уже в 1804 г. ряд штатов Новой Англии тайно договаривался о возможности такого выхода.

Другой серьезной проблемой во внутривнутриполитических спорах являлось рабовладение. Учитывая факт, что изначально США были сформированы наполовину из «свободных», а наполовину – из рабовладельческих штатов, каждый раз при обсуждении вопроса о приеме в федерацию нового штата разгорались жаркие споры. Все понимали, что единство федерации держится на равном представительстве в Конгрессе представителей Северных – свободных, и Южных – рабовладельческих штатов. В 1820 году был принят Миссурийский компромисс, в соответствии с которым в США необходимо было принимать одновременно один «свободный» и один рабовладельческий штат. Именно нарушение этого принципа во многом спровоцировало в дальнейшем гражданскую войну в США.

В 1823 году была озвучена так называемая «доктрина президента Монро». Выступая перед конгрессменами, он заявил, что «американские континенты не должны рассматриваться как объекты колонизации со стороны любых европейских держав». Любые подобные действия должны рассматриваться как «недружественные проявление по отношению к Соединенным Штатам». В свою очередь, США обязались не участвовать в войнах европейских держав. К 1860 году противоречия между северными и южными штатами достигли своего апогея. Нарушение принципа представительства в Сенате, территориальные споры между свободными и рабовладельческими штатами по поводу территорий завоеванных у Мексики, и, наконец, непризнание Югом избрания президентом США А. Линкольна привело к началу гражданской войны.

Необходимо отметить, что и президент Авраам Линкольн, вошедший в историю как «освободитель негров», вплоть до начала гражданской войны считал, что всеми правами в США должны обладать только лишь белые мужчины. Во время инаугурационной речи в 1861 году он сказал: «Я не ставлю своей целью прямо или косвенно вмешиваться в институт рабства в тех штатах, где оно существует. Я убежден, что не имею законного права на это, и у меня нет ни малейшего желания так поступать». Эта фраза была напрямую адресована южным штатам, которые, один за другим, стали выходить из федерации. Война стала неизбежной.

Ход гражданской войны на ее первом этапе был крайне неблагоприятен для северян. Постоянные поражения армий «свободного» Севера в боях с рабовладельческим Югом и необходимость в новых солдатах заставили его поменять точку зрения относительно рабовладения. В январе 1863 года президент А. Линкольн подписал Прокламацию об освобождении рабов с тем, чтобы побудить чернокожих американцев воевать на своей стороне. Затея удалась, и вскоре в состав армий Севера влилось около 200 000 негров, которым было за что бороться. В войне наступил перелом. По окончании гражданской войны и укрепления федерализма в 1865 году американцы становятся единой нацией, а не совокупностью представителей отдельных штатов.

В 1867 году Россия продала (отдала в аренду) Аляску США. Конгресс никак не хотел одобрять эту сделку, так как не понимал, зачем США нужна эта далекая северная территория. Только с помощью подкупа царскими представителями группы конгрессменов сделка была одобрена. В Соединенных Штатах она вошла в историю как «причуда Сьюарда», государственного секретаря США, который курировал эту сделку с американской стороны.

Активное развитие промышленности и освоение земель Дикого Запада положило начало строительству железных дорог, что привело к массовой иммиграции рабочих, в частности из Китая. И уже в 1875 году был принят первый закон об ограничении иммиграции. В первую очередь он был направлен против китайцев. Прошедшие в Калифорнии массовые антикитайские выступления привели к подписанию Акта о выселении китайцев, который

серьезно приостановил иммиграцию из «Поднебесной». А в 1902 году был принят закон о запрете иммиграции из Китая.

Активное развитие промышленности и банковской сферы привело к появлению в США первых миллиардеров. Иначе как «баронами-разбойниками» их и не называли. Даже заслуги миллиардеров на почве благотворительности не повлияли на отношение к ним патриархального общественного мнения. Президент Т. Рузвельт, говоря Д. Рокфеллере, как-то сказал: «Милосердие, проявившееся в трате огромных сумм, никоим образом не компенсирует дурное поведение во время их накопления».

США между двумя войнами

По результатам Первой мировой войны США оказались единственной крупной державой, вышедшей из войны без экономических потерь. За счет поставок воюющим сторонам США выплатили все свои огромные долги, превратились в ведущую промышленную державу мира и сами стали экспортерами капитала. Половина всего мирового производства промышленных товаров приходилась на Соединенные Штаты.

Начало 20-х годов XX века, вплоть до кризиса 1929 года, было периодом зарождения в США общества потребления и становления массовой культуры – экономических столпов американской экономики, американского мировоззрения и американского образа жизни. Киноиндустрия вошла в пятерку крупнейших отраслей американской экономики. Наступила эра «сексуальной революции». Попытки церкви как-то притормозить процесс падения нравов серьезного успеха не имели.

В период между двумя мировыми войнами США старались особенно не участвовать напрямую в европейских делах, стараясь держать позицию стороннего наблюдателя. Они даже отказались от вступления в Лигу Наций – международную организацию, основной целью которой являлось обеспечение международной безопасности.

Позиция «равноудаления» самым благоприятным образом отразилась на взаимной торговле США с европейскими странами, включая Советский Союз, с которым дипломатические отношения были установлены в 1933 году.

Вступив во Вторую мировую войну в декабре 1941-го, после нападения Японии, Соединенные Штаты присоединились к борьбе Великобритании и СССР с фашистскими режимами. Одним из первых действий в борьбе с Японией стало создание в США концентрационных лагерей для американских граждан японской национальности. Десятки тысяч граждан США японского происхождения содержались в этих концлагерях вплоть до окончания Второй мировой войны.

Соединенные Штаты поставками Советскому Союзу и Великобритании оружия и продовольствия, а после открытия второго фронта и военными действиям внесли свой вклад в победу сил антигитлеровской коалиции в Европе.

Создание биполярной мировой системы и ее значение для сохранения мира

После войны в отношениях между СССР и США начинается период, который вошел в историю под названием «холодная война». Самым большим достижением биполярной модели является тот факт, что между двумя странами никогда не было прямых вооруженных столкновений, хотя и были случаи очень серьезного обострения, грозящие перерасти в полноценную войну. Достаточно вспомнить «берлинский» и «карибский» кризисы начала 60-х годов, когда мир реально стоял на грани ядерной войны. Начало 70-х годов ознаменовалось

появлением нового термина в международных отношениях: «разрядка». Разрядке – этому процессу понижения общего уровня военно-политического противостояния между двумя супердержавами – был дан старт встречей в 1972 году в Москве советского лидера Л. Брежнева с президентом США Р. Никсоном. Стороны подписали целый ряд важных документов, в том числе Договор о противоракетной обороне и Временное соглашение об ограничении стратегических вооружений, и целый ряд других соглашений. Венцом политики разрядки стало подписание в 1975 году в Хельсинки Акта о безопасности и сотрудничестве в Европе, окончательно закрепившего европейские границы по итогам Второй мировой войны.

Тем не менее, вскоре двусторонние отношения начали вновь ухудшаться из-за разногласий по поводу локальных конфликтов в различных частях мира, ввода советских войск в Афганистан и размещения ядерных ракет средней дальности в Европе. С приходом к власти в Советском Союзе в 1985 году М. Горбачева и началом его политики «перестройки» отношения между двумя супердержавами стали меняться кардинальным образом. Провозгласив приоритет «общечеловеческих ценностей» над национальными интересами, советский лидер постепенно «сдал» все международные позиции Советского Союза, до этого момента казавшиеся незыблемыми.

Непоследовательные и порой абсурдные решения привели в конечном итоге к краху СССР. Причиной такого развития событий были не только идеологические, экономические или политические факторы. Конечно, и так называемый «социалистический лагерь», который всегда был тяжелым экономическим бременем для Советского Союза, и непомерные затраты на оборону и догматизм во внутренней политике способствовали созданию критической ситуации. Но все-таки СССР развалился не от внешнего воздействия, а во многом от внутренних субъективных факторов.

Вся история России свидетельствует, что критические трудности в стране возникают именно тогда, когда в силу определенных обстоятельств к руководству страной приходят слабые и некомпетентные люди, не знающие истории своей страны, не понимающие логики ее внутренних исторических процессов и не разбирающиеся в той системе международных координат, в которых она находится.

М. С. Горбачев, не в силу своей злой воли, а в силу своей наивности и некомпетентности в международных отношениях не смог правильно расставить акценты и приоритеты во внешней политике, не проявил должной твердости в отстаивании интересов страны и постепенно «слил» все сильные, имеющиеся в руках советской дипломатии, переговорные позиции.

Конечно, еще предстоит выяснить, какую роль в этом «сливе» американским «друзьям» сыграл Э. Шеварднадзе, бывший в то время министром иностранных дел СССР. Но этот факт не снимает с М. С. Горбачева ответственности за подобный исход событий. Сам факт развала СССР дал нашим геополитическим противникам повод говорить о «победе» в «холодной» войне.

США в условиях абсолютного мирового доминирования

После падения советской супердержавы политологи всего мира стали выдвигать различные гипотезы дальнейшего развития мира. Наибольшую известность получила работа американского политолога японского происхождения Ф. Фукуямы, который в своей книге «Конец истории» утверждал, что после краха коммунистической системы мировое сообщество наконец обрело идеальную экономическую и политическую систему, к которой всем надо стремиться, а именно проявились либеральная демократия, рыночная экономика и капитализм.

Почему Ф. Фукуяма не заметил бурно развивающийся коммунистический Китай, который не имел ничего общего ни с либеральной демократией, ни с рыночной экономикой, остается загадкой. Но, тем не менее, утопическая идея, что весь мир должен прийти к единообразной форме правления, стало неотъемлемой частью, даже можно сказать, краеугольным камнем американской внешней политики. Конечно, на какое-то время образ США у простых людей стал ассоциироваться с абсолютным успехом, личным благосостоянием и раем на земле. Способность страны являть собой положительные ассоциации, вызывать положительную реакцию на любые свои действия, иметь огромное количество сторонников по всему миру – это, конечно, несомненный факт для национальной гордости. Положительный международный образ – это своеобразный кредит доверия, карт-бланш на совершение любых поступков, которые априори всем миром будут признаны правильными и единственно верными. Но это в то же время и огромная ответственность за те шаги, которые страна совершает на международной арене. И этот кредит доверия не вечен.

К сожалению, Соединенные Штаты Америки плохо распорядились этим «кредитом доверия», растеряв за несколько лет огромный позитивный имидж, приобретенный ими после окончания «холодной войны». «Головокружение от успехов» сыграло с американцами злую шутку. Они окончательно потеряли способность реально оценивать свои возможности и оценивать последствия своих решений. Особенно это стало заметно с приходом в Белый дом администрации Б. Клинтона. Своими авантюрными действиями в области внешней политики президент поставил под сомнение готовность американской администрации учитывать интересы своих партнеров. Речь идет в первую очередь об игнорировании позиции России по вопросу о расширения НАТО. А приказ без санкции Совета безопасности ООН бомбить Сербию стал мощнейшим катализатором для многих стран вплотную заняться разработкой собственного ядерного оружия как единственного сдерживающего фактора в международных отношениях.

Принятие в 2002 году «доктрины Буша», согласно которой США будут «упреждать и искоренять в самом зародыше самые худшие из всех зол», окончательно развязало американцам руки в проведении самостоятельных военных операций по всему миру без оглядки на кого бы то ни было. Благодаря политике Соединенных Штатов весь мир вступил в эру международно-правового нигилизма.

В XXI век США вступили с самым крупным в мире госдолгом, с изношенной инфраструктурой, с серьезными проблемами в сфере медицинского обслуживания и образования, с неразберихой в экономике и финансах, с военным присутствием в Ираке и Афганистане и нескончаемой борьбой с терроризмом. Соединенные Штаты, бурно отпраздновав геополитическую «победу» над СССР, пришли к убеждению, что оставшись единственной сверхдержавой, они способны самостоятельно, по своему усмотрению, кроить политическую карту мира, определять уровень «демократичности» тех или иных стран. А также самостоятельно, без санкций международных институтов, проводить военные операции под предлогом борьбы с «диктаторскими режимами» и в защиту «демократических ценностей». Бросив все свои военные и экономические ресурсы на решение второстепенных проблем, зачастую не имеющих никакого отношения к проблемам собственно американской безопасности, и предприняв ряд авантюрных политических и военных акций, Соединенные Штаты всего лишь в течение нескольких лет растеряли тот огромный «позитивный имидж», который им был предоставлен мировым сообществом на волне массовой эйфории, вызванной крушением коммунистических режимов.

Активно наживая врагов по всему миру, в каком-то упоении от собственной безнаказанности, пренебрегая международным правом, Соединенные Штаты стали вызывать активное недовольство не только у стран, никогда не входивших в сферу американского влияния, но и у целого ряда стран, которых принято было считать «союзниками» США. Абсолютное

игнорирование международных политических и экономических интересов бывшего противника – Советского Союза, вернувшегося на международную арену под историческим названием «Россия», – Соединенные Штаты, своей недальновидной политикой заставили национально ориентированные политические элиты России всерьез задуматься об искренности данных американцами обещаний и возможности установления с США действительно равноправных, партнерских отношений. К большому сожалению, среди американских политиков оказалось слишком мало людей, которые понимали, что так называемая «победа в холодной войне» может очень скоро обернуться для США серьезными проблемами, а наличие мощного полноценного партнера на мировой арене для решения глобальных задач гораздо предпочтительнее разношерстной группы стран-клиентов, основной целью которых является получение экономических преференций от своего политического покровителя.

О демократии по-американски и правах человека

Американская «идея-фикс» – продвигать «демократию» по всему миру приняла в последние годы характер мессианства. Американцы всерьез убеждены, что все народы в тех странах мира, где еще не пьют кока-колу и не едят гамбургеры, пребывают в томительном ожидании упоительного момента, когда американские пехотинцы прогонят их доморощенную диктаторскую антинародную власть и силой своего обаяния волеют наконец их отстающую страну в мировую семью «демократических народов».

Но что есть демократия? И тем более, демократия по-американски? Возьмите толковый словарь, и вы увидите разные трактовки понятия «демократия». Единственное, что все эти трактовки объединяет, так это греческое слово «демос» – народ. То есть, демократия – это власть народа. Но, что это за «народ» в классическом греческом понимании? В классическом греческом понимании «народ» – это только граждане-мужчины. За рамками «народа» оставались: женщины, лица, пораженные в правах, и рабы, являвшиеся неотъемлемой частью древнегреческого «демократического» общества. Но ведь демократия «по-американски» это совсем другое. Да, но давайте разбираться. Сначала немного истории. После провозглашения в конце XVIII века независимости от Великобритании американские конституционные акты декларировали о всеобщем равенстве и равных правах. Все американцы объявлялись равными. Но если внимательно присмотреться к этим документам, то окажется, что этих прав не получили женщины, индейцы, негры, а также (внимание!!!) белые мужчины – не протестанты. То есть, то была Конституция, гарантирующая равные права только белым мужчинам-протестантам.

Конечно, постепенно американские законодатели вносили поправки. В середине XIX века равные права получили католики, в 1918-м – женщины, кстати, на год позже, чем в Российской империи! И, наконец, в середине 60-х годов прошлого века и американские негры добились формального равенства. Иными словами, процесс обретения равных гражданских прав всем населением США занял почти 200 лет. То есть, «самая передовая демократическая страна» не очень-то спешила с этим вопросом. Почему?

Соединенные Штаты Америки как новая империя

Неожиданно оставшись единственной сверхдержавой, США вошли в новый для себя этап государственного развития. Появившаяся после развала СССР возможность безраздельно господствовать на международной арене, перекраивая под себя политическую карту мира, не особо обращая внимание на международное право и целый комплекс международных договоренностей, третируя международные институты в целом и ООН, в частности, спровоцировала появление в руководящих кругах США комплекса «мировой империи».

Однако Соединенные Штаты представляют собой принципиально новый вид империи. Американская империя – это империя, формально не имеющая колоний, но окруженная поясом политически и экономически зависимых стран. Империя, которая опираясь на вооруженные силы, пытается установить контроль над всеми странами мира и их ресурсами. Империя, которая активно продвигает свой образ жизни, свои ценности и свои институты, используя эффективный пропагандистский аппарат в лице мировых СМИ, киноиндустрии и массовой культуры.

Этому во многом способствовало и лицемерие американской внешней политики, где демократические лозунги и призывы сочетаются с откровенно экспансионистскими устремлениями. Оставаясь, по сути, федеративной республикой, на международной арене США ведут себя как классическая империя, реализующая в международных отношениях имперскую формулу «разделяй и властвуй». Причем эта имперская захватническая политика всегда облекалась в одежды идеологического и религиозного мессианства.

Ведя захватнические войны с Мексикой, американцы называли это «расширением зоны свободы». Президент Мак-Кинли, приняв решение о вторжении на Кубу, говорил: «Мы делаем это ради всего человечества». Уже в наше время, разбомбив Югославию и Ирак, американцы продолжают говорить о своей исторической миссии «освобождать угнетенные народы».

«Наша страна избрана Богом и уполномочена историей быть моделью для справедливого мира», – говорил президент Д. Буш, отдавая приказ бомбить иракские города и афганские деревни.

В национальной стратегии от 2006 года прямо сказано: «Мы боремся со своими врагами за границей, а не ждем, когда они доберутся до нашей страны. Мы стремимся придать миру свою форму, а не просто ждем, что он сформирует нас».

Абсолютно уверенные в своем праве выступать на международной арене как хранители демократических ценностей, Соединенные Штаты просто не хотят вспоминать свою недавнюю историю: рабовладение, истребление индейцев, захватнические войны, откровенный расизм.

Чем-то эта ситуация напоминает Древний Рим в первом веке до нашей эры, когда республиканские по сути, римские легионы вели захватнические войны, характерные для любой империи на стадии роста. Чем это закончилось, мы тоже помним: гражданской войной между противоборствующими группировками и объявлением победителя римским императором.

Но то, что произошло 2000 лет назад в Древнем Риме, вряд ли повторится в наши дни. С тех пор мир значительно расширил свои горизонты, и сегодня уже не только количество легионов определяют положение страны в мире.

К тому же, пик своего могущества США, по-видимому, уже прошли, так и не используя должным образом этот шанс в своих национальных интересах, завязнув в бесперспективных войнах, оттолкнув от себя своим поведением потенциальных союзников и вынудив других важных игроков на международной арене переосмыслить возможные последствия деятельности Соединенных Штатов как единственного гаранта «демократических ценностей» на нашей планете.

Будучи мировой империей, США по большому счету не нуждаются в союзниках. Союзники им нужны для внутренней аудитории, чтобы всегда иметь возможность предстать перед избирателями во главе группы «демократических наций», в качестве борцов за свободу других народов и защитников «демократических ценностей» – что, в целом, вписывается в патриархальную идеологию отцов-основателей и все еще поддерживается большинством далекого от международных проблем американского населения.

Будучи мировой империей, США не могут иметь и приоритетных регионов. Для мировой империи все регионы приоритетны, и время от времени роль того или иного региона может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от складывающейся ситуации. Исходя из этого предположения, США необходимы «союзники» в каждом из этих регионов, на которых можно было бы переложить часть ответственности и финансового бремени. В Европе этой организацией является НАТО, которая, вероятнее всего, и останется региональной организацией. Все разговоры о возможности проведения серьезных операций НАТО за рамками Европейского континента представляются малоубедительными. Участие европейских контингентов НАТО в операциях в Югославии, Ираке и Афганистане показало их весьма ограниченные возможности. А без американской логистики, космической связи и разведанных эти части способны лишь к ограниченным полицейским операциям внутри Европейского континента. А если еще принять во внимание негативное в целом общественное мнение Европы к участию европейских контингентов в военных конфликтах и нежелание европейских правительств увеличивать военные расходы, то можно сделать вывод, что если США и будут проводить какие-либо операции под флагом НАТО, то лишь только для того, чтобы создать видимость проведения именно «международной операции» для успокоения американской общественности. Лишь стратегический союзник США в Европе – Великобритания, да, может быть, связанная с Великобританией династическими узами Голландия для «сохранения лица» будут безропотно выделять подразделения в поддержку США. Остальные участники НАТО каждое решение будут оспаривать, так что США будут вынуждены проводить операции самостоятельно, не оглядываясь на союзников по Атлантическому альянсу.

В каждой точке земного шара у США есть союзники или зависимые страны, на которые Соединенные Штаты могли бы опереться в случае потенциальных конфликтов. В Восточной Азии у США уже есть группа зависимых стран, на которые США и опираются при осуществлении внешней политики. Это прежде всего, Япония, Южная Корея и Тайвань. На тихоокеанском юго-западе – Австралия и Новая Зеландия, составляющие вместе с США военный блок АНЗЮС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.